

Набиуллина Гузель Амировна, Фатхуллова Кадрия Сунгатовна

КИТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В КНР

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/5/64.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 182-185. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тателем его стихотворений, а возможно, и был знаком. В написанном им 26 сентября 1826 г. подражании ирландской мелодии Мура «Юноша-певец» возникал образ казненного поэта» [2].

Певец низложен! но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит среди пиров,
На ней перервал он все струны;
«В цепях ты не будешь, - сказал ей певец, -
Ты, эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых свободных сердец,
Раба не внимать песнопений!» [1, с. 456-457].

Гибель юноши-певца в стихотворении Д. П. Ознобишина - смертная казнь поэта-декабриста К. Ф. Рылеева. «Биографизм» присутствует и в названии стихотворения *The Minstrel-Boy*, так как *Minstrel* можно перевести как поэт, а *Minstrel-Boy*, соответственно, молодой поэт.

Итак, в оригинальном стихотворении Т. Мура юноша-певец - это один из воинов, ирландский боец за национальную независимость. У Д. П. Ознобишина же юноша-певец («Рылеев») - поэт-декабрист, восстающий против самодержавия, деспотизма, борющийся против крепостного права и за введение в России конституционных законов, ограничивающих абсолютизм. Оба варианта стихотворения, пронизанные духом патриотизма, объединены одной идеей - идеей борьбы за свободу.

Таким образом, талантливый поэт Т. Мур, чья поэзия оставила заметный вклад в русской словесности, не мог не повлиять на творчество Д. П. Ознобишина. Перелагая оригинальные тексты зарубежного автора из цикла «Ирландские мелодии» (*Irish Melodies*), русский поэт-переводчик в своих произведениях стремился передать дух ирландской поэзии. Будучи глубоко самобытным русским поэтом, мироощущению которого оказались близки гражданские мотивы лирики Т. Мура, не мог не воспользоваться возможностью иноязычного автора выразить свои мысли и распространить их. Мотив, отвечающий запросам того времени, а именно мотив несломленного духом человека, пронизывает текст перевода, выполненного Д. П. Ознобишиным, и заставляет читателя поверить в то, что русский народ не падает духом даже когда «арфа» молчит:

Певец низложен! но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит среди пиров,
На ней перервал он все струны [Там же, с. 456].

Список литературы

1. Мур Т. Избранное / сост. Л. И. Володарская. М.: Радуга, 1986. С. 19.
2. Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза: в 2-х кн. / Д. П. Ознобишин; подгот. Т. М. Гольц, А. Л. Гришунин, Н. Н. Холмухамедова. М.: Наука, 2001. С. 334.

УДК 811.515.145

Гузель Амировна Набиуллина, Кадрия Сунгатовна Фатхуллова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

КИТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В КНР[©]

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 11-04-00074а.

Ученые-тюркологи давно обратили внимание на необходимость изучения взаимодействия китайского языка с тюркскими языками (Васильев 1872; Баскаков 1951). Хотя имеются некоторые труды о китайских заимствованиях в древнетюркских языках, древнетюркские словари (ДТС 1969; Ligeti 1966; Clausin 1972; Gabain 1974), а также общие исследования по истории древних тюрков и древнетюркских языков, в которых выявлены китаизмы (Радлов 1897, 1899; Малов 1951, 1952; Бернштам 1940, 1946; Jarring 1936 и др.), проблема китайских заимствований, по словам Н. А. Баскакова, в научном плане изучена в меньшей степени. Количество конкретных примеров заимствований в этих работах ограничивается тремя-четырьмя словами. Согласно Н. А. Баскакову, «китаизмы могут быть и в значительном количестве вскрыты в составе лексики

каждого современного конкретного языка» и в связи с этим указывает на необходимость отдельного изучения тюркологами данной проблемы [1].

Следует заметить, что наряду с этимологическими ссылками в различного рода словарях на заимствования отдельных слов из китайского языка, были опубликованы специальные научные труды о китайских заимствованиях в отдельных тюркских языках (Радлов 1911; Юдахин 1938; Баскаков, Насилов 1939; Jarring 1964; Наджиб 1968 и др.). [Там же]. В связи с непосредственным соседством и тесными контактами китайцев с уйгурами, живущими главным образом в пределах Китайской Народной Республики - в Синьцзяне, имеются также специальные монографии, словари о китайских элементах в уйгурском языке [5; 6]. В них содержится значительный языковой материал, собранный в результате большой исследовательской работы по истории этих заимствований.

До сегодняшнего дня китайские заимствованные слова в языке татар, проживающих в КНР, не были объектом специального монографического исследования. Этим объясняется актуальность выбранной нами темы.

Целью данной статьи является исследование и тематический анализ китайских заимствованных слов, составляющих специфический пласт лексики татарской диаспоры, проживающей в КНР. Объектом исследования являются китайские лексические заимствования, бытующие в разговорном дискурсе.

Как известно, заимствование - элемент чужого языка, перенесенный в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. В большинстве случаев, заимствование является результатом взаимодействия культур, в той или иной степени характерный для всех языков мира. В связи с этим Т. А. Бертагаев писал, что самое большое количество китаизмов наблюдается в классическом монгольском письменном языке (XVI-XX вв.), затем - в разговорном монгольском языке. Тесный территориальный контакт, переселение, торговля, культурные связи - все это создавало реальные условия для проникновения китайских слов в язык татар, проживающих в КНР.

В исторических исследованиях о переселении татар в Китай бытуют разные мнения. Первые упоминания о татарах в китайских исторических источниках относятся к эпохе Тан. Совершавших в XIII веке военные походы на Запад монголов называли татарами. В этот период уже в основном сформировалась татарская национальность.

Как указывается в большинстве источников, переселение татар в Китай началось в период строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в 1898 году. Они принимали активное участие в строительстве дороги, занимались коммерцией. В результате потихоньку сложилась татарская община на севере Китая - в Маньчжурии.

Второе место обитания татар в Китае - на западе, в Синьцзяне. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, согласно китайской официальной статистике 1998 года, проживает 4 873 татар (по данным татарских национальных организаций - более 5,5 тысяч). В городах Кульдже и Урумчи существуют татарские национальные центры. В настоящее время в столичном университете СУАР работают 8 профессоров-татар. Среди них биологи, филологи и т.д. Татары имеют собственную письменность, основанную на арабской графике. Ввиду совместного проживания с казахами и уйгурами, а также в связи с тесными контактами, которые татары поддерживают с этими национальностями, они используют казахскую и уйгурскую письменности [4, с. 66-76].

Таким образом, краткий экскурс в историю переселения татар в Китай показывает, что проникновение китайских слов в татарский язык происходило в течение многих веков. В результате этого в татарский язык вошли многочисленные заимствования, различные по времени проникновения и по происхождению.

Широкое применение китайского языка в повседневной жизни татар, взаимоотношение народов, делопроизводство на китайском языке, система образования (китайский язык является обязательным учебным предметом во всех школах), общественная, политическая, художественная и научная литература на китайском языке, средства массовой информации имеют немаловажное значение для обогащения языка татар, проживающих в КНР, китайскими элементами. Все перечисленные факторы, характеризующие политическую, экономическую и культурную жизнь в КНР, а также ряд других моментов играют огромную роль в широком распространении китайского языка. Следует отметить, что в настоящее время по своему удельному весу, роли и количественному составу они становятся все более заметными и многочисленными. Как отмечает Т. Р. Рахимов: «Китайские заимствования охватывали в основном административно-управленческую, торговую, бытовую терминологию и в очень небольшой степени сельскохозяйственную, ремесленную и военную лексику» [6, с. 3].

Китаизмы, употребляющиеся в языке китайских татар, относятся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, военному делу, системе образования, делопроизводству, быту, традициям и обычаям и другим областям, характерным для жизни (культуры, социального и исторического развития) китайского народа. К ним относятся прежде всего слова-реалии, употребляющиеся наиболее широко в общественно-политической сфере, то есть не имеющие, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках.

Первую группу составляют китаизмы, обозначающие общественно-политические реалии. Эту группу можно разделить на несколько семантических подгрупп:

1. Органы и носители власти: 党中央 - данчжунъян (партия), 党委 - данвэй (партийный комитет), 中共 - чжунгун (китайская компартия), 厅长 - тинчжан (назир, начальник департамента, член провинциального правительства).

2. Общественно-политическая жизнь:

а) политическая деятельность и деятели: 总统 - цзунтун (президент),

部长 - бучжан (министр), 总理 - цзунли (премьер-министр), 首长 - чжужэнь (глава);

б) звания, степени, титулы, обращения: 所长 - сочжан (директор), 副院长 - фуюаньчжан (заместитель председателя суда), 局长 - цзюйчжан (начальник бюро), 队长 - дуйчжан (начальник отряда), 主席 - чжуси (председатель), 副书记 - фушуцзи (заместитель секретаря), 厂长 - чанчжан (директор завода), 处长 - чучжан (начальник отдела), 专家 - чжуаньцзя (специалист), 教授 - цзяошоу (профессор), 副教授 - фуцзяошоу (доцент);

в) национальные явления и движения (и их представители): 汉族 - ханьцзу (китайская нация), 华侨 - хуацяо (китайский эмигрант), 藏族 - цзанцзу (тибетец);

д) учреждения: 派出所 - пайчусо (отделение милиции), 检察院 - цзяньчаюан (прокуратура), 传真 - чуаньчжэнь (факс), 海关 - хайгуань (таможня);

е) учебные заведения и культурные учреждения: 科学院 - кэсюэюань (академия наук), 剧院 - цзюйюань (театр), 大学 - дасюэ (университет), 京剧 - цзинцзюй (театр, пьеса, драма).

3. Военные реалии обозначают:

а) названия подразделений: 兵团 - бинтуань (дивизия), 指挥部 - чжисихуйбу (штаб командования), 解放军 - цзефан цзюнь (освободительная армия), 军区 - цзюньцзюй (военный округ);

б) виды оружия: 军舰 - цзюнь цзянь (военный корабль), 活塞 - хосай (поршень), 火箭 - хоцзянь (ракета);

в) военнослужащие (и командиры): 团长 - туаньчжан (полковник), 班长 - баньчжан (командир отделения), 将军 - цзянцзюнь (генерал).

Вторую группу составляют китаизмы, обозначающие предметы быта и прочие имена. В эту группу входят этнографические реалии, которые выражают названия пищи, одежды, посуды и др.

1. Пища, напитки и т.п.: 豆腐 - доуфу (бобовый сыр), 馍馍 - момо (хлеб, приготовленный на пару), 麻花 - махуазэр (хворост, жаренный в масле), 菜 - цай (салат), 油塔子 - ютацзы (слоеный хлеб, выпекаемый на пару); 凉粉 - лянфэнь (холодное кушанье в виде желе), 挂面 - гуамянь (лапша), 粉条子 - фэньтяоцзы (лапша из крахмала, картофельной, гороховой муки), 米饭 - мифань (рисовая каша), 酱 - цзян (соус, паста), 饺子 - цзяоцзи (пельмени), 糖粽子 - танцзунцзы (пирожки из риса, приготовленные в треугольной форме; подаются с сахаром), 酱油 - цзянью (соевый соус), 筷子 - куайцзы (палочки, употребляемые при еде вместо вилки), 案板 - аньбань (кухонная доска). Многие из них являются названиями овощей, фруктов, и других растений: 青菜 - цинцай (зеленые овощи), 韭菜 - цзюцай (лук душистый), 葱 - цун (лук), 萝卜 - лобу (редька), 茄子 - цецзы (баклажан), 香蕉 - сяньцзяло (банан), 菠菜 - боцай (шпинат) и т.д.

2. Одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): 旗袍 - ципао (женское платье со стоящим воротником), 裁缝 - цайфэн (портной).

3. Другие предметы: 桌子 - чжоцзы (стол), 菜园子 - цайюаньцзы (огород), 板凳 - баньдэн (доска), 铡刀 - чжадао (большой нож), 变压器 - бяньцзяци (трансформатор).

Среди этнографических реалий встречаются также слова, выражающие обычаи, ритуалы китайцев, природные явления: 秧歌 - янгэр (песни, которые поют в Китае во время пересадки риса, а также исполняются во время новогодних праздников), 三九三 - саныцзюсань (самое холодное время зимы).

Редко употребляются слова, которые относятся к именам прилагательным и глаголам: 干杯 - ганьбэй (осушить бокал). Следует отметить, что перечисленные выше китаизмы встречаются не только в татарском языке, но и отчасти в тюркских языках Сибири, а также в остальных тюркских языках Средней Азии и Восточной Европы.

Процесс заимствования китайских слов в татарский язык происходил неравномерно. Хронологически китаизмы в языке татарских диаспор принадлежат как к довольно раннему, так и к позднему времени. Некоторые из них, вошедшие в основной словарный состав, относятся к весьма древней эпохе. Например, такие слова, как: 桌子 - чжоцзы (стол), 葱 - цун (лук), 油塔子 - ютацзы (слоеный хлеб, выпекаемый на пару) и т.д. В современном языке они уже не осознаются как заимствования. На наш взгляд, процесс проникновения в татарский язык китаизмов особенно активизировался в конце 50-х годов 20-го века, когда в Китае усиливалось администрирование в области языковой политики.

Китайские заимствования, существующие в современном языке татар КНР, составляют в настоящее время немалую в количественном отношении часть лексики. В условиях тесных языковых контактов слой китайских заимствований в лексике татарского языка увеличивается. Употребляемые в татарском разговорном

дискурсе китайские заимствования вызваны самой потребностью жизни, и все они уже стали составной частью и активными элементами современной лексики.

Семантический аспект исследования заимствований вышеперечисленных тематических групп позволяет установить причины и характер семантической эволюции китаизмов и более точно определить место и роль китайских заимствованных слов в процессе изменения словарного состава татарского языка. При заимствовании многозначных китайских слов в татарском языке произошло сужение их значений. Причиной этому послужила конкретизация значения или утрата тех значений, для выражения которых существовали слова в заимствующем языке.

Китаизмы в большей или меньшей степени подчиняются законам заимствующего языка, претерпевая различные изменения. Анализ особенностей фонетической адаптации китаизмов показывает, что китайские фонемы, имеющие аналогичные варианты в татарском языке, легче освоились, а отсутствующие в языке-реципиенте звуки были заменены относительно близкими звуками. Процесс заимствования из китайского языка внёс изменения в систему гласных звуков, нарушающие фонетические нормы языка-реципиента. Так, например, в татарском языке отсутствуют нисходящие дифтонги *эй, ий, аэ*, а также чуждо использование рядом двух разных гласных.

Таким образом, китаизмы получили довольно широкое распространение в языке татарской диаспоры, проживающей в КНР, и сыграли исключительно позитивную роль в развитии лексико-семантической системы, проявив большую словообразовательную активность. Дальнейшее исследование заимствованной из китайского языка лексики поможет в решении таких важных проблем научно-практического характера, как вопросы истории общественного развития, экономических и культурных контактов китайского и татарского народов, взаимодействие и взаимовлияние их языков. Все это, несомненно, вызывает научный интерес не только у лингвистов, но и у историков, социологов, культурологов и представителей других смежных наук.

Список литературы

1. **Баскаков Н. А.** К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia: studies in honor of Gunnar Jarring on his eightieth birthday.* Istanbul, 1987.
2. **Баскаков Н. А., Насилов В. М.** Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
3. **Лотте Д. С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.
4. **Национальные меньшинства в Китае** // *Восточный свет.* 2008. № 1. С. 66-76.
5. **Новгородский В. И.** Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.
6. **Рахимов Т. Р.** Китайские элементы в современном уйгурском языке. М., 1970.

УДК 82-31

Уктам Джураевич Назаров
Бухарский государственный университет, Узбекистан

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ[©]

По утверждению М. М. Бахтина термин *хронотоп* впервые был использован в природоведческой математике. Впоследствии он на основании теории относительности введен в науку. В литературоведении он употребляется как показатель неделимости места и времени [1, с. 121].

С первого взгляда появление и действие времени в определенном месте не требует изъяснения, т.е. оно понятно как дважды два. Однако взаимоотношение времени и места в художественной литературе занимает особое, независимое место, особенно, в определении жанра и жанрового направления [Там же, с. 122]. Также хронотоп принимает непосредственное участие в создании образа человека (действующего лица) художественного произведения. Если учесть, что человек (действующее лицо) художественного произведения - это показатель его уровня, то нетрудно понять, какое художественно-поэтическое значение имеет хронотоп в литературе.

По утверждению знаменитого учёного, впервые разработавшего и внедрившего теорию хронотопа в литературоведении - М. М. Бахтина «Хронотоп определяет смертность художественного произведения и его отношение к действительности» [Там же, с. 275]. Он в книге «Формы хронотопа и времени в романе» пишет о своих исследованиях в определении жанрового направления романа. Главным критерием, определяющим жанровое направление романа, являются типологически устойчивые хронотопы, которые сводятся к следующим (формы хронотопов греческих романов):

- 1) авантюрный роман;
- 2) авантюрно-бытовой роман;
- 3) биографический роман.